

Том 5. Глава 1. Грусть.

После нескольких приступов бреда, возможно, из-за крепкого тела Дан Сайона, возможно, из-за того, что уход Лазурии принес плоды, жар начал спадать. Дан Сайон также понемногу начал приходить в себя, однако его болезнь была очень тяжелой, и он по-прежнему лежал и отдыхал.

В тот день Лазурия просто ходила туда-сюда по пещере без дела, и снова остановилась у надписи, сделанной Леди Цзин Лин. Она снова прочитала надпись и вздохнула. Дан Сайон в это время сидел рядом и спросил: «Почему ты вздыхаешь?»

Лазурия фыркнула. «Я грущу о ней, о Леди. С ее красотой и умом, она была обманута противным мужчиной вроде тебя, и страдала всю жизнь. Она не заслужила этого».

Дан Сайон не нашелся, что ответить.

Лазурия снова прошла по надписи, и вдруг удивленно вздохнула. Она обнаружила кое-что странное. В последнем предложении в слове «забвение» буква «з» была немного вдавлена внутрь, она отличалась от остальных букв. Лазурия закатила глаза, затем словно что-то поняла и подняла Колокольчики Хаккан с пояса для сравнения. Размер абсолютно подходил под букву. Она хлопнула в ладоши.

Дан Сайон с любопытством спросил: «Что это?»

Лазурия развернулась и с улыбкой сказала: «Возможно, это может спасти нас!»

Дан Сайон был удивлен, он сразу же заволновался и радостно спросил: «Правда?»

Лазурия вставила колокольчик в букву. Но ничего не произошло. Она повернула его несколько раз и влево и вправо. Через секунду раздался щелчок. Каменная стена затряслась. Лазурия вздрогнула и отступила назад вместе с колокольчиками. После громкого скрежета наружный слой стены просто упал и обнаружился внутренний слой. Здесь были надписи, такие же, как в комнате с Либрусом.

Дан Сайон сначала, было, обрадовался, но после взгляда на стену его лицо потемнело. Казалось, эта стена просто прятала надпись на внутренней стене. Выхода здесь не было. И он снова расстроился.

Но Лазурия немного поглядела на надпись, которая была оставлена Леди Цзин Лин, и спрятана так хорошо. Наверное, это было что-то необычное. Но через несколько минут она развернулась, на ее лице не было ни печали, ни радости, просто разочарование. Она спокойно сказала: «Это и есть «Забвение».

Дан Сайон ничего не понял. Он посмотрел на стену, первые несколько предложений гласили:

Духи Преисподней, Боги Небес,

Приношу свое тело в жертву вам,

На веки вечные, падаю в Забвение.

Ради любви и без сожаления.

.....

Он сразу же понял, что это какие-то заклинания пути Зла. Но Лазурия была настроена оптимистично. Он вдруг фыркнул. «Там есть указания, как найти выход?»

Лазурия опустила голову. «Нет».

Дан Сайон тихо сказал: «Тогда какой толк от того, что ты выучишь его?»

Лазурия была спокойна, и через некоторое время сказала: «Ты знаешь, что означает заклинание под названием «Забвение»? Ты хоть знаешь, что оно было изобретено в Священном клане в древние времена, но никто и никогда не использовал его?»

Дан Сайон с любопытством спросил: «Что?»

Лазурия вздохнула и продолжила: «Это заклинание было изобретено великим Мастером Хаккан, Леди Цзин Лин, и оно могло быть использовано только женщиной. Оно высасывало из тела всю кровь, и затем превращало ее в мощный сгусток энергии...»

Еще до того, как она договорила, Дан Сайон прервал ее, в его глазах читался гнев. Он сказал: «Назови это хоть Забвением, хоть Кровавым Вампиром Убийцей, это просто Зло, которое хочет показаться милым, просто сменив название!»

Лазурия изменилась в лице, но затем задумалась и тихо произнесла: «Ты прав. Поэтому даже Леди Цзин Лин не использовала его никогда».

Дан Сайон проигнорировал ее слова.

Прошло еще несколько дней. Дан Сайон, когда смог ходить, вернулся в комнату с Либрусом и читал, в то время как Лазурия все время смотрела на заклинание на стене.

В Первом томе Либруса не было ничего про практические упражнения или заклинания. Он просто читал его и едва улавливал смысл. Но Дан Сайон знал чуть больше о заклинаниях Айне и Скайи, поэтому он мог узнать что-нибудь еще из Либруса, новое для себя. Однако, кроме того, что в Либрусе были описаны все основы магии Айне и Скайи, Дан Сайон не понимал ничего. Может быть, здесь как раз говорилось об использовании Чистой сущности и Глубокой мудрости одновременно?

Хотя он и знал, что шансы выжить почти равны нулю, в его сердце все еще жила надежда. И Дан Сайон начал делать то, что было написано в Либрусе. Но пропустить через себя оба заклинания сразу было очень сложно. Через секунду, его кровь прямо таки закипела, и ему пришлось остановиться. И за следующие несколько дней он не особо продвинулся в этом процессе.

Но затем перед ними встал гораздо более сложный вопрос – закончилась еда.

Хотя ученики кланов могут отправиться куда угодно и творить абсолютно немыслимые чудеса, они все равно были обычными людьми. Легенды гласили, что старейшины кланов могли обходиться без еды и воды, но никто никогда не видел этого. Перед тем, как попасть в пещеру, Дан Сайон уже потерял все свои запасы еды, и хотя в пещере была вода, съестное было только у Лазурии, и настал день, когда все подошло к концу. Они, конечно, пытались экономить, но это не помогало.

И сейчас, по прошествии примерно двух дней, Дан Сайон и Лазурия смотрели в пустую сумку из под еды.

«Проклятие!» Лазурия села на платформу, рядом с ней был скелет Черносерда, но она не чувствовала себя некомфортно. Все же, люди Малеуса были немного странными... Однако, сейчас она была очень расстроена.

Дан Сайон быстро оправился от болезни, жар прошел. И хотя он был немного слаб, чувствовал себя вполне нормально. Он посмотрел на Лазурию. В его глазах она была просто девушкой в зеленом платье, она сидела на платформе и болтала ногами в воздухе. Колокольчики на поясе издавали мягкий звон «динь-динь-динь». Если бы он не знал, кто она такая, можно было бы подумать, что она обычная наивная девушка.

Лазурия была гораздо более грустной, когда Дан Сайон встретил ее впервые. Она была девушкой, поэтому часто уходила к водопаду, чтобы умыться, и всегда выглядела чистой, без единого пятнышка грязи. Но за эти дни она заметно похудела. Дан Сайон вдруг вспомнил, что Мастер и братья учили его, что все люди Малеуса злобные и эгоистичные. Но сейчас... в этой критической ситуации, почему она отдала ему половину еды?

Дан Сайон думал об этом в душе, и не заметил, что Лазурия смотрит на него. Увидев, что Дан Сайон пялится на нее как на пустое место, она покраснела и крикнула ему: «Эй, на что это ты уставился?»

Дан Сайон вздрогнул, затем быстро отвернулся и пробормотал: «Ни... ни на что».

Лазурия подошла к нему, но ругать не стала, как он себе представил. Она только вздохнула и сказала: «Мы заперты в этой пещере, и скоро умрем здесь. Не нужно так беспокоиться о ерунде».

Дан Сайон замер, медленно повернулся, глядя на нее. На ее худом, но все еще прекрасном лице была безнадежная улыбка. Он вдруг сказал: «Когда я был болен, не нужно было отдавать мне большую часть еды. Тогда ты бы смогла прожить подольше и, возможно...»

«Возможно что?» Лазурия неожиданно прервала его.

Дан Сайон замер, затем потряс головой и тихо сказал: «Возможно, тебя бы спасли».

Лазурия покачала головой, улыбнулась и сказала: «Я не хочу умирать, но еще больше я не хочу умирать в одиночестве, глядя на скелет и разлагающийся труп. Если дело пойдет таким путем, я сойду с ума, прежде чем кто-нибудь меня найдет».

Дан Сайон не мог не содрогнуться от слов Лазурии, но он ничего не сказал. Здесь они и правда не могли выжить.

Лазурия вдруг спросила: «Что, ты боишься?»

Дан Сайон немедленно выпрямил спину и громко сказал: «Никогда!»

Лазурия немного улыбнулась, ее глаза смягчились. Она мягко сказала: «Обещай мне одну вещь, хорошо?»

Дан Сайон нахмурился и спросил: «Какую?»

Лазурия улыбнулась снова и ответила: «У нас закончилась еда. И кроме воды, у нас нет больше ничего. Через неделю-другую мы умрем голодной смертью».

Дан Сайон молчал.

Лазурия была спокойна, но то, что она сказала потом, заставило Дан Сайона побледнеть, словно он встретил привидение: «Через несколько дней, если ты увидишь, что я уже не могу двигаться, прикончи меня».

Дан Сайон широко раскрыл рот, указал на нее пальцем, но не мог вымолвить ни слова. Он не ждал, что Лазурия скажет что-то подобное, да еще таким спокойным тоном. «И после моей смерти, пока я еще не остыну, если хочешь выжить, ты должен будешь съесть меня, и тогда, может, продержишься подольше».

Дан Сайон просто свалился на пол.

Через некоторое время он собрался, оправился от шока и сказал сам себе в душе: «люди Малеуса настоящие животные, они могут творить такие непотребства!» Но когда он посмотрел на Лазурия, она все еще была спокойна. Его сердце пронзило холодом, он отступил назад, его рука затряслась, когда он указал на нее. «Что... ты... что ты такое говоришь?»

Лазурия посмотрела на его, мягкость в ее глазах стала невыносимой. Дан Сайон подумал, что это самый смертельный яд из всех на свете.

«Ты разве не хочешь вернуться на Пик Большого Бамбука, чтобы снова увидеть твою сестру Лин Эр? Твои товарищи все еще в Пещере Крыланов, возможно, они разыскивают тебя. И если ты проживешь дольше, их шансы найти тебя увеличатся, разве нет?» Лазурия опустила голову, но ее голос все еще был спокойным.

Но Дан Сайон не заботился о тоне Лазурии. Он даже не заметил, что она сказала о Лин Эр. Он просто тыкал в нее пальцем и гневно кричал: «Ты... ты... ты сказала мне... вы, приспешники Малеуса, в самом деле самые ужасные, бесстыжие, отвратительные люди на свете! Я... я... ты... ты...».

Он сердился все больше и язык перестал его слушаться. Он только говорил «Я... ты...», и больше не мог сказать ничего дельного. Лазурия ожидала такой реакции, поэтому она не сердилась на него. Она просто смотрела на него, и когда Дан Сайон остановился, чтобы перевести дыхание, она медленно произнесла: «Есть меня или нет, это твое личное дело. Но ты должен убить меня, так или иначе!»

«Ты опять?» Дан Сайон снова стал сердиться. «Ты что, думаешь, что я пойду на такую сделку с тобой? Вроде как ты дала мне еду, а я должен совершить преступление! Если хочешь втянуть меня в это, как бы не так!»

Лазурия медленно покачала головой и сказала: «Нет, я просто... испугалась».

Дан Сайон продолжал разглагольствовать: «Ложь, я не попадусь на этот трюк... а? Что ты сказала?»

Казалось, что в этот момент между жизнью и смертью, Лазурию будто подменили. Как будто она впала в воспоминания о прошлом. На ее лице отразилось такое горе, какого Дан Сайон не видел никогда в жизни. Затем, он потряс головой, как будто хотел вытрясти какие-то мысли.

«Ты хоть знаешь, что это такое – ожидать смерти в одиночестве?» Она тихо сказала ему.

Дан Сайон замер, он заметил, что она будто что-то скрывает. Он участливо спросил: «Что?»

На лице Лазурии дрогнул мускул. В эту безнадежную секунду, когда перед ней был только мальчишка из Айне, который собирался умереть здесь вместе с ней, она не могла контролировать свои чувства. Даже ее голос стал сбивчивым и грустным: «Когда мне было шесть, мама взяла меня с собой, чтобы навестить бабушку в Пещере Шести Лисиц, на Лисьем Холме. Но ваши... чертовы слугители Добра, напали на нас, и монах Скайи по имени Пуфань использовал Кубок Милости Пагоды, чтобы разрушить всю Пещеру Шести Лисиц. Нас, меня, маму и бабушку заживо погребло там.

Дан Сайон вздрогнул. У него появилось нехорошее предчувствие. Из сердца поднялось холодное чувство, которое распространилось по всему телу.

Лазурия полностью погрузилась в болезненные воспоминания. Ее глаза глядели в пустоту, ее голос был пустым и безжизненным, только глубокая боль сквозила в ее словах: «Тогда, я громко плакала от голода и холода. Я была очень напугана, пещера, в которой нас заперло, была очень маленькая, и мы выжили только благодаря нескольким большим камням, державшим потолок. Но раны бабушки были очень серьезны, и скоро она умерла. Мама и я плакали все время в темноте, но мы похоронили бабушку.

Мы закопали ее глубоко в землю. Вокруг нас были только холодные стены, и капельки воды стекали по ним. Я была очень напугана, но мама все время говорила мне: «Не бойся, малышка. Папа обязательно нас спасет».

Дан Сайон задержал дыхание, он слушал внимательно, со странным предчувствием и страхом в сердце. Он чувствовал, что здесь что-то не так.

«Но вокруг была только темнота. Никто не приходил. Я была очень сильно напугана в этой пещере, и я проголодалась, я все время плакала. Я до сих пор помню, как мама тяжело вздыхала рядом со мной. Она крепко обнимала меня, и все время повторяла: «Малютка Яо, не бойся ничего. Не бойся ничего, мамочка никому не позволит причинить тебе вред. Твой папа придет и спасет нас!»

Лазурия становилась все бледнее, но все равно продолжала: «Но папа не пришел. И я уже стала бредить, все время просила еды. Мама искала снова и снова, но в пещере она не смогла ничего найти. В итоге у меня не осталось сил даже на крики, я просто лежала у нее на руках. И однажды мама нашла кусочек мяса!»

Дан Сайон увидел, что Лазурия вздрогнула, когда сказала это.

«Я была очень голодна, и недолго думая съела его. И потом уснула. Казалось, в тот момент мама улыбалась в темноте. И так она давала мне немного мяса каждый раз понемногу. Так я смогла выжить. Но ее голос становился все слабее. И однажды... когда я позвала ее... она не ответила. После этого я осталась одна в темноте, в ожидании смерти».

Лазурия медленно развернулась, посмотрев на Дан Сайона. Он заглянул в ее глаза, и почувствовал холод. «Знаешь ли ты, каково это, ждать смерти в одиночестве? Знаком ли тебе запах гниющего трупа матери? Знаком ли тебе страх, пробирающий до костей, в пещере, где ты не можешь видеть даже себя самого?»

Каждый раз, когда она задавала вопрос, Дан Сайон вздрагивал.

Лазурия замолчала. Дан Сайон не решался даже дышать. В итоге, она словно проснулась ото сна, но еще не целиком. Она продолжила: «Наконец, однажды, вход в пещеру стал осыпаться, я услышала, как отец позвал меня и маму. Затем он спрыгнул откуда-то сверху прямо передо

мной.

«Но он сначала увидел не меня, а маму. Я не видела ее, и забыла посмотреть на нее, когда в пещере стало светло. Когда я вспомнила об этом, папа уже закрыл мне глаза. Я не видела ее тело. Но я могла отчетливо почувствовать, что отец шокирован. Он словно превратился в камень. Затем, дядя Зеленый Дракон, дядя Белый Тигр, и дядя Сюань У приземлились на землю рядом с нами.

Я вдруг очень испугалась, даже больше, чем когда сидела в пещере и ожидала смерти. Я тихо позвала: «Папа». Трое мужчин прошли мимо него и похоронили тело мамы. Я прошептала: «Папа, что с мамой?»

Дан Сайон словно видел все сам. Каждое слово Лазурии заставляло его содрогнуться. Словно он смотрел ее глазами.

«Но папа ничего не ответил. Только его взгляд был ужасен. И хотя я была маленькой, я знала, я знала, что тогда он хотел убить меня, убить свою собственную дочь! Но он не смог. Он спас меня. И он вынес меня из той пещеры. И когда я украдкой посмотрела через плечо отца, перед тем, как покинуть пещеру, я увидела, что маму уже закопали в землю. Только одна рука показалась из земли, но почему-то она... она... она...»

Лазурия вдруг замолчала. Дан Сайон удивленно посмотрел на нее. Она была совершенно бледная, ее глаза были закрыты. Потом она упала, кажется, потеряла сознание. Дан Сайон поймал ее, она была очень холодна, вообще казалось, что жизнь ее оставляет.

Дан Сайон только что оправился от болезни. Он был слаб, поэтому он с трудом положил Лазурию на платформу. Глядя на нее, Дан Сайон почувствовал, что весь покрылся потом.

В ту ночь (хотя было не ясно, ночь это или день, Дан Сайон решил, что была ночь), Лазурия пролежала без сознания, но она плакала не переставая. Она бредила, говоря «мама», «папа» и что-то несвязное. Они поменялись местами, теперь настала очередь Дан Сайона заботиться о Лазурии.

Болезненное прошлое Лазурии не давало ей покоя. Она все время плакала и кричала. Дан Сайон не мог ничего сделать. Вдруг Лазурия протянула руку и схватила его за плечо, словно ей нужно было опереться об него. Затем она успокоилась и уснула. Но ее рука так и осталась держать его за плечо, ногти вонзились в кожу, лицо Дан Сайона скривилось от боли. И когда он взглянул на нее, ее лицо было таким несчастным, что он не смог ее оставить. Он так и остался сидеть рядом, пока она спала.